

Ларин Сергей Алексеевич

ВОЛК ИЛИ ОВЦА? (К СЕМАНТИКЕ "ХИЩНОГО" И "СМИРНОГО" В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА)

В статье рассматривается функционирование в творчестве И. А. Гончарова комплекса мотивов, связанных с образом волка. Героев-волков отличает успешность, удачливость как в любовной, так и в социальной сферах, в то время как герои-овцы в большинстве случаев – лишь жертвы более агрессивных и амбициозных персонажей. Творчество И. А. Гончарова не только очевидным образом связано с предшествующей традицией, но и, как можно предположить, в определенной мере помогло скорректировать концепцию А. Григорьева – Н. Страхова, рассматривающих русскую литературу как непрерывную борьбу между "смирным" и "хищным" типами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 121-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
2. **Глыбин В. В.** Восприятие класса местоимений носителями русского языка (экспериментальное исследование): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 204 с.
3. **Демешкина Т. А.** Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
4. **Кравченко А. В.** Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.
5. **Майтинская К. Е.** Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 309 с.
6. **Николаева Т. М.** Семантика акцентного выделения. М., 1982. 225 с.
7. **Скребицова Т. Г.** Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 204 с.
8. **Шведова Н. Ю.** Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

**DIALECTAL COMMUNICATION IN ASPECT OF SPATIAL DEIXIS
(BY EXAMPLE OF STATEMENTS WITH LEXEMES “HERE”, “NEAR AT HAND”, “THERE”)**

Natal'ya Vladimirovna Kurikova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Department of Russian as Foreign Language
Tomsk Polytechnic University
nativanovac@mail.ru*

Elena Yur'evna Nadezhdina, Ph. D. in Pedagogy
*Department of Foreign Languages
International Faculty of Management
Tomsk Polytechnic University
lena1977@sibmail.com*

The authors present the functional-communicative analysis of oral statements with deictic lexemes “here”, “near at hand”, “there”, determine the topicality of studying the functioning of these indicators in folk speech by the specificity of oral, direct communication, the conditions for its implementation, and by the dialectal material for the first time consider deictic mechanisms that allow a speaker not only conveying the content of a sentence (information about some fragment of reality) in optimal manner but also realizing communicative attitudes.

Key words and phrases: deixis; dialectal statement; oral communication; communicative space; functional-communicative analysis.

УДК 82.161.1(091)“18”

Филологические науки

В статье рассматривается функционирование в творчестве И. А. Гончарова комплекса мотивов, связанных с образом волка. Героев-волков отличает успешность, удачливость как в любовной, так и в социальной сферах, в то время как герои-овцы в большинстве случаев – лишь жертвы более агрессивных и амбициозных персонажей. Творчество И. А. Гончарова не только очевидным образом связано с предшествующей традицией, но и, как можно предположить, в определенной мере помогло скорректировать концепцию А. Григорьева – Н. Страхова, рассматривающих русскую литературу как непрерывную борьбу между «смирным» и «хищным» типами.

Ключевые слова и фразы: волк; овца; корова; смирный; хищный; власть; анималистическая символика; семантическая структура.

Сергей Алексеевич Ларин, к. филол. н.
*Кафедра русской литературы
Воронежский государственный университет
larin-s@yandex.ru*

**ВОЛК ИЛИ ОВЦА?
(К СЕМАНТИКЕ «ХИЩНОГО» И «СМИРНОГО» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА)**[©]

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX в.)». Проект № 12-04-00041.

Три первых посетителя Обломова (Волков, Судьбинский, Пенкин) традиционно рассматриваются в ряду второстепенных, «фоновых» персонажей, оттеняющих фигуру главного героя и выступающих своего рода

мишенями для его критических стрел. При этом Волкову в наибольшей степени не повезло: он крайне редко оказывается в сфере внимания критиков и исследователей или хотя бы вообще упоминается в работах, посвященных творчеству Гончарова. Между тем «блещущий здоровьем» [3, т. 4, с. 17] Волков не может не привлечь внимание очевидным несоответствием между своим «миролюбивым» поведением и «грозной» фамилией (ведь в «Обрыве» главным источником нестабильности и «деструктивности» оказывается Марк Волохов, фамилия которого семантически созвучна фамилии *блистающего господина*, открывающего «парад гостей» в доме Ильи Ильича). Поэтому представляется перспективным объяснить отмеченное несоответствие имени и «характера» героя и, кроме того, выявить авторскую логику, согласно которой оказались связаны столь «разномасштабные» персонажи, тем более что «волчьими» атрибутами в «Обломове» будет наделен и друг заглавного героя Андрей Штольц.

Хотя Гончаров и наделяет своего героя характерной «говорящей» фамилией Волков, однако как будто никакими явными «волчьими» повадками, которые обнаруживаются у других персонажей, он не обладает. Какова же функция этого героя в повествовании, учитывая, что эпизод с его участием появляется в тексте романа на «промежуточном этапе между завершением черновой редакции и первой публикацией» [2, с. 583], когда писатель особенно остро осознавал опасность «длиннот», которые могут произвести на читателя невыгодное впечатление, но тем не менее существенно расширил первоначальный текст, содержащий свернутую, конспективную характеристику тогда еще «безмянных» героев – участников «парада гостей», ощущая, вероятно, необходимость восполнить какое-то отсутствующее в художественной структуре «Обломова» звено.

Чтобы объяснить отмеченную «странность», рассмотрим комплекс мотивов, связанных в произведениях Гончарова с образом волка.

Впервые «волчьи» мотивы появляются в романе «Обыкновенная история». В переломном для Александра Адуева эпизоде волк фигурирует под одним из самых распространенных своих имен. Объясняя дяде, за что он *хочет стереть* графа Новинского с лица земли, Александр скажет: «...не он ли уничтожил мое блаженство? Он, как **дикий зверь**, ворвался...». – «В овчарню!» [3, т. 1, с. 300] – перебивает племянника Петр Иванович, развивая использованную Александром символику, «позаимствованную» из басни Крылова «Волк на псарне». *Диким зверем*, волком здесь будет назван более удачливый соперник, *волохита* (как охарактеризует его Александр), сумевший заслужить благосклонность героини, а саму ситуацию Адуев обозначит как похищение [Там же, с. 296, 300]. Кроме того, за счет упоминания овчарни и, следовательно, уравнивания Любецкой с ее обитательницей актуализируется тема противопоставления волк – овца (сквозная в басенной традиции, являющейся одним из основных источников «волчье-овечьей» символики в русской литературе XVIII–XIX вв.).

Однако возлюбленная Александра окажется не так уж невинна, как представляется самому герою. И об этом не преминет сказать Петр Иванович, убеждая племянника в бессмысленности его претензий к графу и невозможности как бы то ни было исправить ситуацию: «А твоя... как ее? Катенька, что ли, разве противилась ему? сделала какое-нибудь усилие, чтоб избежать опасности? Она сама отдалась, перестала любить тебя, нечего и спорить – не воротишь! А настаивать – это эгоизм!» [Там же, с. 300]. Адуев-старший докажет невинность и самого графа Новинского, тем самым показав условность, относительность данного противопоставления. Более того, в истории с Александром героиня ведет себя не так уж и кротко, регулярно заставляя своего возлюбленного страдать. Прав (хотя и не «умышленно») Адуев окажется в другом: в отношениях с графом Платоном героиня, действительно, утрачивает инициативу, оказывается жертвой своей привязанности.

Характерно, что и сам Александр впоследствии дважды будет назван «зверем». Причем в обоих случаях это связано с «любовным» сюжетом романа. Первый раз «звериное» в Александре выявит Петр Иванович. В ответ на филиппики племянника, направленные против их общих знакомых, Петр Иванович обратит внимание Александра на его собственное отношение к окружающим и, в частности, на то, что он *четыре месяца* не писал матери писем. «Как прикажешь назвать такой поступок? – обратится Петр Иванович к племяннику. – Ну-ка, какой ты **зверь**? Может быть, оттого и не называешь, что у Крылова такого нет» [Там же, с. 330]. Причем сначала Александр, сравнивая с героями басен Крылова других, отказывался признавать в себе наличие «звериных» черт, отговариваясь тем, что «не сделал людям зла... исполнил в отношении к ним все...» [Там же, с. 327].

В истории с Тафасовой в *зверя* Александра превращает ревность. Как замечает повествователь, «это не была ревность от избытка любви... но равнодушная, холодная, злая. Он тиранил бедную женщину из любви, как другие не тиранят из ненависти. Ему покажется, например, что вечером, при гостях, она не довольно долго и нежно или часто глядит на него, и он осматривается, как **зверь**, кругом, – и горе, если в это время около Юлии есть молодой человек, и даже не молодой, а просто человек, часто женщина, иногда – вещь» [Там же, с. 371].

Животное чувство охватывает Адуева при встрече с Лизой, которая едва не становится его жертвой. Причем герой отдает себе отчет в характере переживаемых ощущений, сам точно определяет их источник. «Животное! – бормотал он про себя, – так вот какая мысль бродит у тебя в уме... а! обнаженные плечи, бюст, ножка... воспользоваться доверчивостью, неопытностью... обмануть...» [Там же, с. 405]. Не случайно еще задолго до встречи с Лизой Александр (хотя и не прямо) уподобит себя волку, не имея для этого как будто бы никаких оснований. Характеризуя семью их общих знакомых, он скажет Петру Ивановичу: «Сонин всегда даст хороший совет, когда пройдет беда, а попробуйте обратиться в нужде... так он и отпустит без ужины домой, как лисица **волка**» [Там же, с. 327].

Таким образом, в «Обыкновенной истории» «звериное», «животное» выступает синонимом природного, неконтролируемого, неразумного, телесного, а «волчьи» мотивы возникают в большинстве случаев в матримонильном контексте.

Наиболее концентрированно «волчьи» мотивы, как уже было неоднократно отмечено исследователями [1; 8], присутствуют в последнем романе Гончарова «Обрыв» и связаны с Марком Волоховым – «вором», «соблазнителем», разрушителем патриархальной идиллии. Однако в число *волков*, хищников будет включен даже один из самых «смирных» героев Гончарова – Николай Андреевич Викентьев. Причем мотивировано это будет, с одной стороны, его порывистостью, необузданностью проявления им любви к матери Марье Егоровне, страстностью, выдающей «звериную», не терпящую никаких ограничений натуру. «Любовь его к матери наружно выражалась... бурно и неистово, до экстаза. В припадке нежности он вдруг бросится к ней, обеими руками обовьет шею и ослепит горячими поцелуями: тут уже между ними произойдет буквально драка. Она ловит его за уши, дерет, щиплет за щеки, отталкивает, наконец кликнет толсторукую и толстобедрую ключницу Мавру и велит оттащить прочь “волчонка”» [3, т. 7, с. 281]. Показательно, что весь этот «волчий» сюжет будет приурочен к эпизоду сватовства Викентьева, объяснения его по этому поводу с Марьей Егоровной и последующего разговора с Татьяной Марковной. Характерен и такой диалог героя с матерью:

– Не беспокойся, она (*Марфенька* – С. Л.) любит меня больше родной матери!

– Я вовсе тебя не люблю, отстань, **волчонок!** – крикнула она, сбоку посмотрев на него [Там же, с. 282].

С другой стороны, это определение Викентьев заслужит, вероятно, еще и из-за «неприличности» своего поведения, поскольку, по мнению старшего поколения, озвученному Бережковой, он должен был сначала переговорить с ней, а не с Марфенькой. Однако герой в полном соответствии с данной ему характеристикой разразится монологом, в котором даже не столько будет оправдываться, сколько постарается доказать «законность» своего поступка [Там же, с. 285]. И в качестве уже полушутливой (но тем не менее вполне соответствующей его «волчьему» статусу) угрозы добавит: «Если б вы обе не согласились, я бы... Уехал бы сегодня же отсюда и в гусары пошел бы, и долгов наделал бы, совсем пропал бы!» [Там же, с. 286]. Знаменательно, что главным виновником подобного «нерегламентированного» поведения Викентьева будет назван (отсутствующий в «бесстрастной» Обломовке) соловей [Там же]. Показательно также и такое, вполне согласующееся с «волчьими повадками», признание Викентьева: «Отдайте мне только Марфу Васильевну, и я буду тише воды, ниже травы, буду слушаться, даже ничего... **не съем** без вашего спроса...» [Там же, с. 285].

В «Слугах старого века» (1888) «волк» выступает синонимом «вора», «разбойника», который может похитить не только имущество (основной сюжет «Антон» – попытка ограбления квартиры рассказчика), но и честь, «супружеское спокойствие» [4, т. 7, с. 154]. «Если б женился, может быть, забрались другие волки, злее этих!» [Там же, с. 153] – отвечает рассказчик на предложение *одной приятельницы* Анны Петровны жениться и тем самым обезопасить себя от визитов «волков»-воров. Эту роль как раз и играет в «Обрыве» Марк Волохов, оправдывая свою «волчью» репутацию.

Нанятый в качестве слуги Антон (отличавшийся гигантским ростом и большой физической силой и специализировавшийся в деревне на охоте на волков с *дубьем*) и сам будет уподоблен рассказчиком волку за чрезвычайную осторожность, с которой он выполнял любую работу [Там же, с. 147]. Однако «волчья» натура Антона не замедлила в скором времени проявиться. Он окажется большим охотником *употребить* то, что остается от барского обеда. И это поведение Антона разительно напоминает отношение к еде своего барина Захара с той лишь разницей, что слуга Обломова в подобных случаях никогда не признавался в своих проступках. Сближает героев и общее «патриархальное» происхождение. Однако если неуклюжесть Захара часто становилась причиной многочисленных разрушений в квартире Ильи Ильича, то Антон, напротив, отличался большой осторожностью в обращении с имуществом рассказчика. Кроме того, Антон окажется большим охотником *употребить* алкоголь, и «слабость», невоздержанность героя будет использована *настоящими волками*, ворами, уже в корыстных целях.

С пьянством (что для нас особенно интересно) в «Слугах старого века» связан мотив «оборотничества», превращения человека в зверя. Наиболее выразительно это будет изображено в 3-м эскизе «Степан с семьей», заглавный герой которого под воздействием алкоголя, как заметит рассказчик, «из кроткого, смирного старика обращается в зверя» [Там же, с. 163]. Показательно, что в описании попойки, в которой участвует вся семья Степана, присутствуют и звериные, «собачьи» мотивы [Там же, с. 165-166]. Тот же самый комплекс мотивов мы встречаем в *очерке* «Литературный вечер» (1880). Эпатирующий собравшуюся на чтение романа публику своими критическими замечаниями, отменным аппетитом, невоздержанностью в вине и заподозренный слугой в воровстве *газетный критик* *Кряков* оказывается известным актером. Причем повествователь сравнивает его с *бульдогом* [Там же, с. 93], а гости назовут *паршивой (заблудшей) овцой* [Там же, с. 122].

Другой герой «Слуг старого века» – Матвей – был страстным охотником ловить воров и участвовать в расправе над ними. В этом контексте любопытно, что и сам Матвей будет уподоблен рассказчиком *раненому волку*, когда тот по *старой памяти* вынет ассигнацию и захочет подарить бывшему слуге «на красное яичко» [Там же, с. 192]. Показательно появление данного мотива именно в связи с темой денег. Ведь, несмотря на бережное отношение к чужой собственности, Матвей, как оказывается в ходе повествования, все же не лишен «волчьих» амбиций: он занимается ростовщичеством. Кроме этого, «алчность» героя (как это и типично для «волков») проявится и в гастрономической сфере.

Рассмотрев основные мотивы, связанные с *волком*, в произведениях Гончарова, «окольцовывающих» его центральный роман, обратимся теперь к анализу «Обломова».

Штольц занимает особое положение среди героев, помеченных Гончаровым «звериным» знаком. Подобно Марку Волохову, с ним одновременно окажутся связаны и «собачьи», и «волчьи» мотивы. Однако в отличие от других героев «Обломова» Штольц будет включен в число персонажей, наделенных животными

чертами не повествователем, а героями романа. Об относительности же любого «внешнего», «субъективного» мнения *поверхностно наблюдательного, холодного человека* говорится уже на первой странице романа. Таким образом, уже в самом начале знакомства со Штольцем перед читателем сразу встает вопрос: к какому из «лагерей» отнести данного героя?

Размышляя о будущем сына, мать Штольца, как замечает повествователь, больше всего не хотела, чтобы он сделался «таким же немецким бюргером, из каких вышел отец. На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мешан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предьявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как **корова** носит свои **рога**, не умея кстати их спрятать. <...> Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятно в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу. Нет, так и ломят эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам» [3, т. 4, с. 154]. Очевидно, что главная претензия этой *русской дворянки*, во многом напоминающей своими взглядами жителей Обломовки, заключалась в неприятии «правильности», чрезмерной упорядоченности жизни немцев, превращающих существование человека в подобие хорошо отлаженного механизма. Обратим внимание также на образ коровьих рогов как символ грубости, претенциозности, агрессивности. Несмотря на кажущуюся субъективность оценки, возможным источником которой могло быть простое опасение, что немецкие привычки отца перейдут к сыну, Гончаров тем не менее не дает усомниться в ее справедливости. Мать Штольца хорошо изучила немецкую нацию, поскольку «жила гувернанткой в богатом доме и имела случай быть за границей, проехала всю Германию и смешала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплеывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых как палка офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на черную работу, на труженическое добывание денег, на **пошлый порядок, скучную правильность** жизни и педантическое отправление обязанностей, – всех этих бюргеров с угловатыми манерами, с большими грубыми руками, с мешанской свежестью в лице и с грубой речью» [Там же, с. 154–155]. Матери Штольца «мерещился идеал барина, хотя выскочки, из черного тела, от отца бюргера, но все-таки сына русской дворянки, все-таки беленького, прекрасно сложенного мальчика... И вдруг он будет чуть не сам ворочать жернова на мельнице, возвращаться домой с фабрик и полей, как отец его: в сале, в навозе, с красно-грязными, загрузевшими руками, с **волчьим аппетитом!** Она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать **кудри**, шить изящные воротнички и манишки; заказывала в городе курочки; учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца...» [Там же, с. 155]. Показательно соединение в характеристике Штольца-старшего «волчьего» и «гастрономического» мотивов – типичное, как мы обнаружили, для всего творчества Гончарова. Отметим также появление в одном контексте с *волком* мотива волос.

«Гастрономический» мотив всплывет в связи с образом Штольца и позже. Друг Ильи Ильича, как и *великий эпикуреец* Мухояров, окажется очень разборчив в выборе блюд. На предложение Пшеницыной покормить Штольца тем, *что есть*, Обломов заметит: «Не ест он этого, Агафья Матвеевна: ухи терпеть не может, даже стерляжкой не ест; **баранины** тоже в рот не берет» [Там же, с. 430]. Своей чрезмерной разборчивостью в еде эти герои будут противопоставлены Обломову, который, несмотря на изысканный вкус, проявившийся при выборе им блюд для своих именин, в стесненных материальных обстоятельствах вполне ограничивался блюдами простой, «мешанской» кухни.

Выше мы обращали внимание на то, что *корова* является животным далеко не безобидным: своей агрессивностью она сближается с *волком*. Причем агрессивность эта особого рода. С *коровой* связан мотив поглощения, поедания. Даже в *тихой* Обломовке *корова* ведет себя в соответствии со своим амплуа. Приводя примеры нерадивого отношения обломовцев к хозяйству, повествователь, в частности, скажет о последствиях падения огораживающего сад плетня, сделавшего возможным порчу деревьев: «**Коровы и козы** тоже немало взяли... они **съели** только смородинные кусты да принялись обдирать десятую липу, а до яблонь и не дошли...» [Там же, с. 125]. (Ср. еще: «По полям и по деревне бродят только в обилии **коровы жующие, овцы блеющие** и куры кудахтающие» [Там же, с. 101]; «Придут ли **коровы** с поля, старик первый позаботится, чтоб их **напоили**...» [Там же, с. 109]). Показательно, что *корова* противопоставлена *овце*, животному, действительно, мирному, и сближается с *козой*, традиционно выступающей символом потусторонних, враждебных человеку сил. В данном контексте знаменательно сравнение Пшеницыной с этим, как оказывается, далеко не «мирным» животным. «Разве умеет свои выгоды соблюсти? Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними – все ухмыляется, как **лошадь на овес**. Другая бы... ой-ой!» [Там же, с. 364] – скажет Мухояров Тарантьеву о сестре. (Обратим внимание на появление мотива еды.) Однако – и в этом скоро убедится читатель – *братец* явно недооценивает Агафью Матвеевну.

Даже несмотря на «успокаивающие», обнадеживающие замечания повествователя [Там же, с. 157], очевидно, что Андрей Иванович все же стал таким, каким его не хотела видеть мать. Хотя образование, полученное в *русском университете, вариации Герца, мечты и рассказы матери* смягчили характер Штольца, в главном он остался верен *практическому* воспитанию немца-отца: «Выше всего он ставил настойчивость в достижении целей: это было признаком характера в его глазах, и людям с этой настойчивостью он никогда не отказывал в уважении, как бы ни были неважны их цели. <...> ...сам он шел к своей цели, **отважно шагая через все преграды**, и разве только тогда отказывался от задачи, когда на пути его возникла стена или отверзалась непроходимая бездна» [Там же, с. 164].

Поэтому закономерно, что жителям села Верхлёва (принадлежащего раньше семье Обломовых) отношения между отцом и сыном Штольцами кажутся «ненормальными», противоестественными. «А старый-то нехристь хорош! Точно котенка выбросил на улицу: не обнял, не взвыл! <...> Ах вы, собаки, право, собаки! Словно чужие!» [Там же, с. 160] – комментируют они сцену проводов Андрюши Штольца отцом в Петербург. Заметим, что сравнение верхлевцев не следует воспринимать буквально, потому что, как говорила Анна Павловна, мать Александра Адуева, носительница схожего, патриархального сознания, озвучивая характерную для подобных героев логику: «Собака и та бережет своих щенят...» [Там же, т. 1, с. 436]. Уподобление Штольцев собаке, вероятно, необходимо рассматривать, учитывая особый, близкий к мифологическому тип мышления бывших обломовцев. Собака для них – нечистое существо. Не случайно в данном контексте появление инвективы *нехристь*. Тем же самым определением награждает мать Александра Адуева и Петра Иваныча: «Сам бы околевал над работой! Собака, право, собака, прости Господи!» [Там же]. Отметим, что и с образом первого из «дельцов» Гончарова связаны, как и со Штольцем, оба указанных мотива: «Господи Боже мой, Царь милосердый! на кого нынче надеяться, коли и **родные свои хуже дикого зверя?** <...> **Собака, право, собака...**» [Там же, с. 435-436].

Мы видим, что Андрей Штолец появляется в романе, будучи окружен далеко не положительным ореолом. И это заставляет читателя быть более осторожным в своих выводах относительно этого героя.

С Волковым сопряжен мотив одежды/переодевания, имеющий непосредственное отношение к теме трансформации, оборотничества – центральной в традиционных «волчьих» сюжетах. Герой появляется в новом фраке, предназначенном для *верховой езды*, а в конце своего визита к Обломову предлагает ему новые перчатки, которые, однако, так в повествовании и не появятся. Далее этот мотив реализуется в связи с образом главного героя романа. Смена Обломовым халата на сюртук – знак произошедших в его жизни перемен, связанный с любовью к Ильинской; появление халата – свидетельство возвращения героя к «прежней» жизни [7]. В этом контексте знаменательно звучат слова Штольца о том, что «человек создан сам устраивать себя и даже **менять свою природу**» [3, т. 4, с. 391]. Другому «волку», герою «Обрыва», Райский заметит: «Что это, Волохов, вы, как клоун в цирке, все **выворачиваете** себя наизнанку!..» [Там же, т. 7, с. 327].

Однако не менее важно то, что с Волковым в роман входит тема любви/влюбленности/страсти. Сначала герой пытается привлечь Илью Ильича к поездке в Екатерингоф, причем в компании барышень, потом признается, что *влюблен в Лидию*, и даже продекламирует первые строки романа Д. Т. Ленского: «Напрасно я забыть ее стараюсь / И **страсть** хочу рассудком победить...» [Там же, т. 4, с. 19]. Так в повествовании появляется тема страсти – ключевая не только для романа «Обломов», но и для всего творчества Гончарова. Эта реплика Волкова как бы предвосхищает, предсказывает судьбы и «главного любовника» романа Ильи Ильича Обломова, который «смертельно» (и не без оснований) боялся любви-страсти, и Штольца, персонажа, никаким «порывам» не подверженного и тем не менее ощутившего на себе всю грозную силу этого чувства. «С него немного спала спесивая уверенность в своих силах; он уже не шутил легкомысленно, слушая рассказы, как иные теряют рассудок, чахнут от разных причин, между прочим... от любви. Ему становилось страшно» [Там же, с. 406], – читаем об ощущениях, которые испытывает Штолец во время увлечения Ольгой Ильинской.

Несмотря на то, что Штолец в своем переживании страсти «уподобляется» Обломову («Нет сил! Я ни на что не похож... Довольно!..» [Там же])¹, именно он борется с охватившим его чувством с помощью разума («Он пошел прямо к цели, то есть к Ольге» [Там же]), в полной мере реализуя содержание цитируемых Волковым стихов. Поэтому ассоциацию со страстью «зловещей» фамилии первого гостя Ильи Ильича можно рассматривать как предзнаменование будущих драматических событий, которые произойдут с героями романа, и в первую очередь с самим Обломовым, не имеющим силы и «рассудительности» Штольца.

Можно отметить и еще одну черту, объединяющую двух столь разномасштабных героев – Волкова и Штольца: оба они оказываются успешными в любви, оба добиваются благосклонности у своих возлюбленных. Это в полной мере относится и к «главному» волку «Обрыва» Марку Волохову, и Викентьеву.

Фамилия для первого посетителя Обломова, по всей видимости, была подсказана Гончарову близким звучанием слов «волк» и «волочиться»² (писатель вообще нередко прибегал к каламбурному обыгрыванию фамилий своих знакомых). В черновых материалах романа присутствовал фрагмент, который содержал «ключевое» слово, определяющую характеристику на тот момент еще безымянного героя. Эта характеристика и трансформировалась позже в его фамилию: «Одним не сиделось на месте, все бы им поехать и туда и сюда, поехать обедать куда-нибудь да в театр, летом так за город, тех занимали вечера, танцы, третьи все **волочатся** за женщинами...» [Там же, т. 5, с. 56].

Обратим внимание и на «цветочный» мотив, связанный с обоими героями. Штолец в отличие от Волкова, который только мечтает о том, как будет с Лидией *рвать цветы*, более «практичен». Герой, по замечанию повествователя, «и радостью наслаждался, как сорванным по дороге цветком, пока он не увял в руках, не допивая чаши никогда до той капельки горечи, которая лежит в конце всякого наслаждения» [Там же, т. 4, с. 161]. Показательно, что Обломов вполне адекватно, «рационально» прочитывает эту «цветочную» метафору, размышляя о двусмысленности своих отношений с Ольгой Ильинской: «Я соблазнитель, волокита! Недостает только, чтоб

¹ Ср. фрагмент письма Обломова: «Недели чрез три, чрез месяц было бы поздно, трудно: любовь делает невероятные успехи, это душевный антонов огонь. И теперь **я уже ни на что не похож**, не считаю часы и минуты, не знаю восхождения и захождения солнца, а считаю: видел – не видал, увижу – не увижу, приходила – не пришла, придет...» [3, т. 4, с. 252].

² А. Молнар обращает внимание на «этимологическое родство слов “увлекать – волокитство – волк”» [6, с. 135] в связи с образом Волохова.

я, как этот **скверный старый селадон** с масляными глазами и красным носом, воткнул **украденный у женщины розан** в петлицу и шептал на ухо приятелю о своей победе, чтоб... чтоб... Ах, Боже мой, куда я зашел! Вот где пропасть! И Ольга не летает высоко над ней, она на дне ее... за что, за что...» [Там же, с. 276].

«Алчность», «прожорливость» свойственна большинству «волков» Гончарова. Именно она является, как можно предполагать, источником особой «волчьей» хватки, помогающей героям достигать успеха на любом поприще. Поэтому, несмотря на то, что и Захар, и Тарантьев, и Мухояров обладали отменным аппетитом, любили выпить и не прочь были поживиться за счет Обломова, Гончаров не наделяет их «волчьими» чертами. С «волком» Штольцем они конкурировать не способны [5].

«Хищному» Штольцу в романе противопоставлен «смирный» Обломов, которому в повествовании сопутствуют образы, подчеркивающие его «кроткую» природу. Обломова называют (или сравнивают) и с овцой (овечкой) [3, т. 4, с. 48, 393], и с голубем [Там же, с. 370, 419, 467], и с собакой [Там же, с. 263], то есть с теми животными, которые традиционно олицетворяют смирение и кротость. Закономерно, что поведение Ильи Ильича оценивается Штольцем крайне иронически. «Ты уж слишком – смирен» [Там же, с. 166], – говорит он своему другу в ответ на жалобы Обломова о том, что жизнь «пристает, как, бывало, в школе к смирному ученику пристают забияки: то ущипнет исподтишка, то вдруг нагрянет прямо со лба и обсыплет песком...» [Там же]. Для Штольца подобное признание является едва ли не приговором, диагнозом, своего рода «патентом» на нежизнеспособность.

Эпитет *овца* употребит Тарантьев в отношении Обломова во время разговора с Мухояровым (гл. III, ч. 4), подчеркивая «жертвенность», «страдательную» позицию Ильи Ильича, источником же агрессии оказывается Штольц: «Каков шельма этот немец! Уничтожил доверенность да на аренду имение взял! Слыханное ли это дело у нас? Обдерет же он овечку-то» [Там же, с. 393]. И хотя «опасения» Тарантьева не подтверждаются, однако очевидно, что в общем он окажется прав. Можно вспомнить в связи с этим знаменательное высказывание Гончарова в письме к С. А. Толстой: «Никакой Штольц не отдаст того, что взяли у бедного Обломова!» [Там же, т. 8, с. 389]. Обломов действительно пострадает от Штольца, только не в материальной сфере: Ольга оставит Илью Ильича ради его друга. Причем в рукописи романа этот мотив звучал открыто: Ильинская признавалась Штольцу в том, что любила его до Обломова [Там же, т. 5, с. 236]. Характерно, что и это не укрылось от внимания проницательного *земляка*, и своими наблюдениями он «поделится» с Ильей Ильичом во время последнего визита. «Буду кричать, – *вопил* Тарантьев, принуждая Обломова отдать Ивану Матвеевичу половину его состояния, – пусть срамится этот олух! Пусть обдует тебя этот мошенник немец, благо он теперь стакнулся с твоей любовницей...» [Там же, т. 4, с. 445].

Хотя ни А. Григорьев, ни Н. Страхов, рассматривая функционирование и трансформации в русской литературе «хищного» и «смирного» типов, практически не обращаются к произведениям Гончарова, очевидно, что творчество писателя в значительной степени вписывается в предложенную критиками парадигму, а проведенный анализ позволяет говорить и об определенном воздействии, которое оказала художественная практика Гончарова на формирование их «универсальной» концепции.

Список литературы

1. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. М.: Наука, 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 83-183.
2. Гончаров И. А. Обломов. Л.: Наука, 1987. 696 с.
3. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. СПб.: Наука, 1997.
4. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1977-1980.
5. Ларин С. А. «Щенком изволил бранить...»: о «собачьих» мотивах в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. № 5. С. 96-103.
6. Молнар А. Поэтика романов И. А. Гончарова. М.: Спутник+, 2004. 157 с.
7. Тирген П. Халат Обломова // *Arg philologiae*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 134-146.
8. Уба Е. В. Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 242 с.

WOLF OR SHEEP? (TO SEMANTICS OF “PREDATORY” AND “GENTLE” IN I. A. GONCHAROV’S CREATIVE WORKS)

Sergei Alekseevich Larin, Ph. D. in Philology
Department of Russian Literature
Voronezh State University
larin-s@yandex.ru

The author considers the functioning of the motives complex associated with the image of a wolf in I. A. Goncharov’s creative works. Successfulness, luck both in love and in social spheres are typical of heroes-wolves, while heroes-sheep in most cases are victims of more aggressive and ambitious characters. I. A. Goncharov’s creative works are not only clearly associated with the previous tradition, but, as might be expected, to some extent help correct A. Grigor’ev – N. Strakhov’s conception considering the Russian literature as the constant struggle between “gentle” and “predatory” types.

Key words and phrases: wolf; sheep; cow; gentle; predatory; power; animalistic symbolism; semantic structure.